

Чрез три года Мартин Скорсезе взял его на роль Иисуса в "Последнем искушении Христа"...

Ортодоксальные христиане бойкотировали этот фильм и взрывали демонстрировавшие его кинотеатры по всей планете. Критики называли "Искушение" кульминационной работой Скорсезе. А зрители хотели видеть снова и снова этого актера, ставшего в одночасье звездой с миллионными гонорами... Но кроме блистательных, но маленьких ролей отъявленных злодеев, он редко появлялся на экране, осясавив своих поклонников только тремя большими ролями: эротическим партнерством с Мадонной ("Тело свидетельства"), драматическим с Сьюзен Сарандон ("Поверхностный сон") и боевым партнерством с Гаррисоном Фордом ("Ясная и сиюминутная опасность").

Оказалось, в остальное время он играет в крошечном бесприбыльном авангардном театре в Нью-Йорке, по сути, в гараже, где он и согласился встретиться для интервью.

Звезда явилась в репетиционном наряде: в шапочке мастера, из-под которой торчали нечесанные рыжие патлы, в грязных джинсах и кедах...

— Как Скорсезе выбрал именно вас на роль Христа? Ведь вы тогда еще не были широко известны.

— Я вообще-то не помню... Одни говорят, что Скорсезе увидел меня в роли отвратительного маньяка, убийцы полицейских в картине "Жить и умереть в Лос-Анджелесе". Оливер (Стоун) любит говорить, что это он совматал меня Мартину. Оливер вообще любит меня. После "Взвода" я играл у него в "Рожденном 4 июня" парализованного вьетнамского ветерана...

Дефо в жизни удивительно добр, светел, а главное — исполнен желания понять и познать собеседника или партнера, какой бы звездой тот ни был. В фильме "Тело свидетельства" Дефо играет адвоката и любовника Мадонны, блистая талантом и обнаженным телом в довольно откровенных сценах, быть может, не всегда сохраняющих хороший вкус по вине сценаристов и режиссера...

— Какие впечатления остались у вас от такого интимного партнерства с Мадонной?

— Я увидел вблизи, что происходит с человеком, когда его слава достигает той критической точки, где она, по математическим законам, должна покатиться вниз. Я видел, как те самые люди, которые создавали Мадонну-звезду, с каким-то мстительным чувством сдергивали ее с небосклона. Этот фильм стал всеамериканским референдумом о ее таланте.

Сразу после Христа Дефо блистательно сыграл мятущегося торговца кокаином в "Поверхностном сне" и отвратительную рептилию, насильника в "Диком сердце".

— Почему такой странный выбор ролей: разбойники сразу после Христа?

— Я актер. Это азарт сыграть разное: переключить на ходу психологические скорости (Дефо тихо сияет). Знаете, детская потребность стать кем-то другим, кем никогда не будешь.

— Вы по той же причине сами делаете в своих фильмах трюки, отказываясь от каскадеров?

— Просто мне это нравится. Нравится владеть своим телом. Я делаю не все трюки: автотопогони и катастрофы делают профи... Да в этом и мало удовольствия. Но там, где надо бежать, прыгать, драться, я предпочитаю делать это сам. Так больше вживаешься в роль. И потом, если это могут сделать безопасным для каскадера, могут обезопасить и меня.

В Голливуде говорят, что самолюбие здесь бывает двух видов: огромное и гигантское. Судя по размеру славы и гонораров, Дефо должен иметь не меньше, чем "огромное". И он вправду любит себя.

Но в его случае это скорее буддистская умиротворенность сознания, когда любишь весь окружающий мир, не исключая, естественно, и собственную персону. Дефо любит свою внешность (хотя завистники говорят, что он похож на череп "бедного Йорика"), любит свою жену (хотя она значительно старше его), любит свои роли в кино (хотя, живи он в Голливуде, он бы играл и зарабатывал гораздо больше), любит свои роли в театре (хотя их мало кто видит) и любит свой стиль жизни, хотя для Голливуда это остается парадоксом.

Виллем Дефо (никаких родственных связей с автором "Робинзона Крузо") — седьмой ребенок в семье с восьмию детьми, вырос в Эплтоне, штат Висконсин, в городе, где из знаменитостей родились также сенатор-антикоммунист Маккарти и великий иллюзионист Гарри Гудини, прославившийся тем, что мог устроить побег из любого узилища, сейфа или сундука. Отношение Дефо к родным пенатам лучше всего видно из одного его телеинтервью. "Вы знаете, какой был самый знаменитый побег Гудини?" — спросил Дефо и сам ответил: "Из Эплтона!" После этого жители городка написали ему, что помнят его бесталанным уродцем.

В 1977 году Дефо приходит на прослушивание в "Вустер-Груп", широко известную в уз-

Виллем Дефо — Христос и разбойник в одном лице

Он прославился фильмом Оливера Стоуна "Взвод". Еще не запомнили имя актера, но говорили: "Тот, который играл сержанта-святого". По сценарию он вовсе не святой, но зритель не мог забыть излучавших тепло глаз худого рыжеволосого солдата. Не мог забыть кадр-символ вьетнамской войны: раненого Дефо, бегущего за вертолетом и падающего с воздетыми к небу руками...

ких кругах авангардную труппу, разместившуюся в темном и тесном гараже в Сохо, нью-йоркском квартале художников.

Театральная легенда гласит, что режиссер труппы Элизабет ЛеКомт была ужасно раздражена пахальным молодым актером: "Ведите ему убраться с моего чердака". В 1977 году ЛеКомт была уже известной в Сохо богемной художницей-режиссершей и 12 лет жила с ведущим актером труппы Спалдингом Греем... Однако совсем скоро Дефо заменил Грея не только как ведущий актер труппы, но и как жилец чердака ЛеКомт. Счастливая пара и ныне живет в нем со своим 11-летним сыном Джеком.

— Как вам удается мирно сосуществовать с женой: ведь режиссер — профессия диктаторская?

— Лиз — выдающийся художник. Она — самый важный режиссер, она — чудо, великолепно начинает Дефо. — У нее в спектаклях я сыграл все: от гейши до цыплячьего сердца. Но, когда у меня не получается роль, я пугаюсь, что провалюсь, и это угрожает нашим взаимоотношениям.

В Голливуде считают, что важна касса и массовость искусства. В нашем театре считают, что важен эксперимент и элитарность. Это не исключает, а уживается во мне: только в сочетании я чувствую полноту профессиональной жизни.

— Значит, вас можно считать примером для тысяч молодых актеров, которые не могут пробиться в Голливуде и полагают, что жизнь их поэтому не удалась. А вот вы играете в крошотном театре и вполне довольны своей актерской судьбой. Так?

— Не совсем так. Если бы я не добился определенного положения в Голливуде, я бы и так спокойно сидел и экспериментировал здесь. С моей стороны агитация за такую творческую свободу — свинство. Снимаясь раз в два-три года в многомиллионных боевиках, я, конечно, могу себе позволить роскошь остальное время играть здесь "для души"... Естественно, я иногда чувствую беспокойство и сомнение. Открываю газету, вижу, сколько всего нового происходит в Голливуде, слежу, как растет слава и ставки коллег... Конечно, сидя здесь, я не попадаю в категорию Тома Круза, Шварценегера или Гаррисона Форда, которые силой одного своего имени могут собрать миллиарды. Кстати за "Ясную и сиюминутную опасность" Дефо получил 2 миллиона, а Форд — 20). Я играл вместе с Фордом и восхищаюсь им. Но я не хотел бы быть на его месте. Как и на месте любой другой звезды.

— Говорят: невозможно представить Шона Коннери или Гаррисона Форда в роли отрицательного персонажа. Они обречены изображать "хороших парней". Вы это имеете в виду?

— За все надо платить. И они платят. У меня как у артиста гораздо большая свобода: я могу сыграть в театре все роли, о которых мечтал... Больше всего в моей профессии я ценю возможность осуществлять свои фантазии: демонстрировать их, залезая в чужую шкуру.

"Вустер-Груп" известна своими театральными коллажами, вольной переработкой классических текстов, использовавшим в спектак-

лях видеоматериала, модернистских конструкций из труб, микрофонов, протезов и утилизатов.

Зал этого театра максимум на 50 мест. Поскольку билеты существование труппы окупить явно не могут, Лиз ЛеКомт озарила свежая коммерческая идея: вместо спектакля показывать вечерами результат дневных репетиций. Поклонники, разношерстная публика Сохо, все равно приходят и платят свои 20 долларов за удовольствие посмотреть на Дефо. Он, актер Божьей милостью, источает обаяние и магическую притягательность в любой роли: даже в репетиционном куске какого-то элитного электросварочного паровоза.

Я побывал на таком репетиционном опусе.

Это действо сильно напоминало пародийное описание Ильфом и Петровым мейерхольдовской постановки "Женитьбы" в "12 стульях": нагромождение труб, штуров и микрофонов, не дающих актерам развернуться, хождение всех персонажей с прикрепленной к заднице палкой, дочь миллионера почему-то в ботинках 50-го размера, искусственный дым, от которого все зрители рыдают и кашляют... А несколько лет назад "Вустер-Груп", например, поставила нечто по мотивам "Трех сестер" под названием "Прибодрикс!". Там использовались рок-группа и вернисаж авангарда. "Почему, — спросил я режиссера ЛеКомт, — вы выбрали именно "Три сестры", а не другую пьесу Чехова?" — "Потому что я не читала других его пьес", ответила авангардистка...

Кстати, в список спонсоров театра входят крупнейшие корпорации США: телефонный гигант AT&T, финансовый спрут Meryll Lynch, сеть банков Chase Manhattan...

Но вернемся к Дефо.

— Вам не хотелось самому стать режиссером? Мне почему-то кажется, что вы иначе относитесь к классике и поставили бы и Чехова, и О'Нила по-другому.

— Я не режиссер. Я актер. Я хочу, чтобы режиссер создал для меня мир, я вступил в него, оживил и вышел из него, готовый к другой роли.

— Какие у вас сейчас кинематографические планы?

— На днях выходит на экраны фильм "Том и Вив", где я играю главную роль: поэт Томас Стернз Элиот. Пока других планов нет.

— В "Ясной и сиюминутной опасности" по роману Тома Клэнси вы играли капитана Кларка, не главного персонажа. Но в следующем романе Клэнси — "Без сожаления", который уже продан "Парамаунту", капитан Кларк — главный герой. Вам дадут эту роль?

— Может быть. Я не загадываю, — смиренно, как Иисус у Скорсезе, улыбается Дефо. Пока они предложили эту роль Киану Ривзу ("Скорость", "Маленький Будда") за гонорар в 7 миллионов. Но он отказался... Я не люблю прогнозировать: это значило бы беспокоиться и отвлекаться от сегодняшней работы...

Дмитрий РАДЫШЕВСКИЙ,
соброр "МН"
Нью-Йорк

